

КЛАУС ХОЛЬЦМАНН

РОССИЯ

СНОВА ЭКСПЕРИМЕНТ

Клаус Хольцманн

Россия. Снова эксперимент

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564752

Россия. Снова эксперимент. / Хольцманн К.: Алгоритм; Москва; 2018

ISBN 978-5-906995-93-3

Аннотация

В книге Клауса Хольцманна (Абрама Гольцмана) в популярной форме рассматриваются причины, в силу которых огромная страна – Россия – оказалась втянутой в цепь экспериментов. Последний эксперимент автор определяет, как результат перерождения в элитном классе социалистического общества. Под этим углом зрения объясняется неуспех российских реформ. В книге много ссылок на литературные источники и прессу. Книга написана простым языком и рассчитана на массового читателя.

Содержание

Вступление	4
Экономика, торговля, рынок	14
Небольшой экскурс в историю	16
Первый эксперимент	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Клаус Хольцманн

Россия. Снова эксперимент

Автор выражает благодарность Д. Сородскому, И. Рицелъ, А. Штеффен, Л. Малачевскому, С. и О. Трофимовым, оказавшим большую помощь при издании книги

Вступление

В своем интервью германскому русскоязычному журналу «Янцен-обозрение» в 2003 году [77] главный редактор издательства «Вече» С.Дмитриев определил следующее направление: «В художественной литературе будет происходить осмысление того, что произошло в 90-е годы. Там тайн столько! Мы до сих пор не знаем, почему СССР развалился. Может быть, переход к демократии был нужен, но почему он так бездарно произошел? Мы должны знать, чтобы снова на те же грабли не наступать». На эту тему написано достаточно много и в книгах, и в периодической печати. Высказаны различные точки зрения, подчас противоречащие друг другу. Многие авторы ограничиваются частностями, хотя и интересно описанными. Но всеобъемлющего понимания проблемы до сих пор действительно не встретилось. Постараемся восполнить этот пробел, не останавливаясь подробно на

тех или иных фактах, версиях, а рассматривая происходящее в контексте исторического процесса. В этом процессе для нас важнее всего, конечно, эволюция общественных отношений, выражавшаяся в сменах общественного строя. Для того чтобы уяснить суть какого-либо общественного устройства, необходимо исходить из природы человека. Что же представляет собой человек?

Считается, что человека создал труд. Спорить с этим не приходится. Однако труд в его первоначальном понимании не стал основой деятельности всего человеческого общества. Уже на первых ступенях развития человечества стало ясно: чтобы нормально жить, индивидууму не обязательно самому трудиться – достаточно завладеть продуктами труда другого человека (в основном силой). На этой основе еще в древние времена произошло расслоение общества на производителей материальных благ, составляющих значительную часть человечества, и меньшую часть, которая этими благами преимущественно пользовалась. Другими словами, мир разделился на слабых и сильных, на бедных и богатых. Иначе быть и не могло, поскольку неравенство – в самой природе человечества. Ведь человек как вид относится к разряду самых сильных и изощренных представителей животного мира. Это обстоятельство помогло ему выжить и выделиться в процессе эволюции. Поэтому культ силы в той или иной форме будет всегда превалировать в человеке, а значит, всегда будет присутствовать стремление к подавлению более слабо-

го, к его эксплуатации.

Нельзя не подумать о реакции на все сказанное выше множества людей, проживших сознательную жизнь в социалистическом обществе, воспитанных на советской идеологии (на ее положительных аспектах), исповедующих совсем другие идеалы. Тем более что сохранилась еще определенная часть людей, отдавших много сил и здоровья в борьбе за эти идеалы. В борьбе подчас очень жестокой. Но даже это подтверждает, что жизнь – есть борьба. И если мы действительно хотим осмыслить, что же «произошло в 90-е годы», мы должны смотреть открытыми глазами на некоторые истины, как бы горько это для нас ни было. Тем более что эти истины не являются полным откровением.

Еще Т. Гоббс¹, рассуждая о равенстве людей, цинично заявлял, что равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе. В книге С. Кара-Мурзы «Истмат и проблема Восток – Запад» [30, стр.97] приводятся слова известного хирурга и общественного деятеля советской эпохи Н. Амосова: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых». Даже у К. Маркса прорвалось однажды, что насилие – есть повивальная бабка истории. И, наконец, официальная точка зрения сегодняшней российской науки, вы-

¹ Т. Гоббс (1588–1679 гг.) – английский философ.

сказанная в 1994 году В.Тишковым². Она приведена в другой книге С.Кара-Мурзы «Советская цивилизация» [31, кн. 2, стр. 501]: «Общество – это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство – это утопия и социальная смерть общества».

Необходимо заметить, что автор двух упомянутых книг (как и других содержательных) является как раз противником данной концепции, получившей название социал-дарвинизма. Так, во второй из упомянутых книг на стр. 650 он пишет: «...с самого начала перестройки была развернута идеологическая кампания по изменению антропологической модели, по внедрению в массовое сознание нового представления о человеке и его правах. Нового не только для СССР, но и для дореволюционной России, культура которой отвергла социал-дарвинизм». При всем уважении к автору последних строк позволим себе с ним не согласиться. Прежде всего, если уж культура дореволюционной России отвергла социал-дарвинизм, то это могло быть только сплошным лицемерием, ибо разве что в колониальных странах эксплуатация была более жестокой, чем в ней. Что касается СССР, то вместе с ним рухнула его идеология, суровая практика сама ответила на вопрос, какой идеологии, а более конкретно, какой

² В. Тишков – директор Института этнологии и антропологии РАН (Российской Академии наук).

версии о природе человека отдать предпочтение.

Так что же, бесконечная война всех против всех? Нет, конечно. В процессе своего развития человеческое общество само пыталось отрегулировать этот вопрос, внести в эту войну элементы примирения. Нельзя переоценить в этом процессе роль религии. В своем первоизданном виде, в заповедях Моисея, Иисуса Христа она, по сути, вырабатывала законы, кодекс поведения человека, регулировала взаимоотношения людей. А как же быть с религиозными войнами, нетерпимостью? И здесь, к сожалению, сказывается природа человека, победить которую окончательно не удастся. И хотя в основе христианского учения заложены были идеи коллективного спасения души, религиозного братства людей, протестантская Реформация их впоследствии отвергла. Не противоречит ли все это одно другому, а также содержанию предыдущего абзаца? Ни в коей мере. Ведь мир построен на единстве и борьбе противоположностей. Борьба составляет суть и основу жизни. Но с развитием цивилизации, в современном обществе эта борьба переходит в русло соревнования, конкуренции.

Таким образом, еще в древнейшие времена произошло расслоение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Формы взаимоотношений между ними с развитием общества менялись и совершенствовались в сторону смягчения. Сам процесс эксплуатации становился более организованным, ввиду увеличения его масштабов. Функция организа-

ции эксплуатируемого труда выпала, естественно, на правящий класс эксплуататоров, владеющих собственностью, в том числе и средствами производства. Функция организации труда тоже стала своего рода трудом, хоть и не в первоначальном его понимании, когда под трудом подразумевалась только его физическая, рутинная сторона.

Постепенно возник промежуточный слой мелких собственников, использовавших первоначально свой труд, а впоследствии и чужой, наемный. И все же вся история развития человечества строилась на взаимоотношениях между классами собственников и производителей, на их противоречиях. Лучшие умы человечества искали пути к примирению, сглаживанию этих противоречий. В результате возникали различные идеалистические теории о равенстве людей. Они были заложены еще с возникновением христианского учения и вошли как основа в развитие социалистических идей, получивших практическое воплощение в ряде стран в XX веке. В результате в мире параллельно с капиталистической системой экономики возникла социалистическая. Существует множество определений капитализма и социализма, как классических, так и осовремененных. Капитализм формулируется как направленность человеческой деятельности на сохранение и увеличение производственного капитала, на извлечение прибыли. Социализм же – это деятельность, направленная в первую очередь на удовлетворение потребностей общества. При этом не исключается и увеличе-

ние производственного потенциала (остережемся говорить «капитала»), но оно играет уже второстепенную роль. Интересную формулировку встречаем в книге О.Арина «Россия в стратегическом капкане» [1, с. 243]: «В современной формулировке социализмом называют общество, у которого в знаменателе доминирует государственная собственность на средства производства наряду с другими формами собственности, в том числе и частной. В числителе социализм предполагает форму политической власти, нацеленную на реализацию интересов всего населения». Тезис о частной собственности при социализме сейчас стал модной темой в публицистике. Особенно часто можно прочесть, что Сталин извратил ленинский курс, уничтожив частную собственность. Да, в СССР были уничтожены последние остатки частной собственности, такие как, например, частные врачебные кабинеты, домашний скот у крестьян. Вот только сделал это не тиран И.Сталин, а... «реформатор» Н.Хрущев.

Но спорить на эту тему можно бесконечно. Действительно, в возникших после второй мировой войны социалистических странах в некоторых секторах существовал мелкий частник. Но в Советском Союзе, ведущей и наиболее ортодоксальной стране социализма, частной собственности не было, исключая период НЭПа³ и отдельные атавизмы, кото-

³ НЭП – сокращение – новая экономическая политика, провозглашенная Советской властью после гражданской войны с целью скорейшего восстановления экономики.

рые ликвидировал Н. Хрущев. Так что решающим различием между двумя рассматриваемыми общественными формациями является все-таки отношение к собственности. Но заранее оговоримся, что терминология наша будет условной и заимствованной из устоявшейся длительное время в советской науке и прессе. Другими словами, будем относить указанные термины просто к двум еще недавно существовавшим системам. Если капиталистическая система сформировалась в результате естественного эволюционного развития общества, то ее антипод – социалистическая система – почти повсеместно насаждалась силовыми методами, и своим возникновением в значительной степени обязана кризисным периодом капитализма и мировым конфликтам. В результате более жизнестойкой оказалась первая система, потому что, в первую очередь, она отражала саму суть природы человека, о которой говорилось выше. Стремление к собственности, к подчинению другого, к эксплуатации его труда в человеке неистребимы, несмотря на все смягчения.

Капиталистическая система дает свободу этой, по сути, своей биологической природе человека и приспособливает ее в направлении, нужном для развития общества. Капитализм обеспечивает простор для развития производительных сил, несмотря на все противоречия, как утверждали марксисты, между общественным характером производства и частным характером продуктов труда. Поэтому капитализм оказался таким живучим, гибким, поддающимся реформам. Со-

циалистические же идеалы, как бы они ни были привлекательны, направлены на вытравливание в человеке его существа, той самой биологической природы. Утверждения идеалистов о том, что социалистическое общество способно изменить природу человека (значит, все-таки надо ее изменить в отличие от капитализма, где менять ничего не надо) развенчал социалист-прагматик Бернштейн, за что был подвергнут обструкции со стороны марксистов-ленинцев как ревизионист. Именно из-за биологической несовместимости с природой человека социалистические идеалы так и останутся голубой мечтой человечества, недостижимой в реальной жизни. И приходится согласиться с тем, что капитализм – самый естественный строй, несмотря на свои несовершенства. И сегодня, и в обозримом будущем он будет единственным путем развития цивилизации. Лучшего придумать никто не в состоянии. Придумали однажды, но все оказалось мифом. Никакая система не в силах оказалась устранить эксплуатацию, хоть и капитализму на современном этапе удалось в значительной мере смягчить ее негативный эффект.

Тем не менее, судьба распорядилась так, что обе системы значительную часть прошедшего века существовали параллельно и конкурировали между собой вплоть до развала мировой социалистической системы на рубеже 80-х и 90-х годов. И не только судьба была виною, существовали и некоторые объективные обстоятельства. Но об этом речь впереди.

Поскольку различие между двумя системами в отноше-

нии к собственности, еще раз акцентируем внимание на вопросе, какая собственность эффективнее. Исходя из предыдущих рассуждений о природе человека, приоритет отдадим частной собственности. Оно и вполне естественно, поскольку здесь присутствует личный интерес. Здесь следует сделать небольшую оговорку: сравнение надо делать при прочих равных условиях. Что это означает? То, что эффективным частным собственником является тот, кто умеет обращаться с собственностью, извлекая из нее прибыль. Если же во главе дела стоит человек, не имеющий склонности к частному предпринимательству или не умеющий им управлять, его нельзя рассматривать как эффективного частного собственника. Он не выдержит сравнения с хорошо функционирующей общественной собственностью. При этом он вполне может обладать другими способностями, не связанными с ведением бизнеса. Такой человек должен продавать свой труд частному либо общественному производителю. Мы еще столкнемся с этой темой в дальнейшем. А пока отметим, что сравнивать надо лишь работоспособные формы той и другой собственности. Это и есть прочие условия.

Экономика, торговля, рынок

Еще в древности Аристотель дал определение двух систем хозяйственной деятельности. Производство, направленное на извлечение прибыли, он назвал хрематистикой. Производство, направленное лишь на удовлетворение потребностей получило название экономии. Эти термины можно встретить в статье С.Кара-Мурзы в газете «Правда» [158] и в ряде других его работ. При этом в той статье советскую экономику он относит к типичной экономии, отмечая, что она была направлена исключительно на удовлетворение потребностей, хоть и огромного масштаба, вплоть до каприза освоения космоса. К этому можно добавить, что система хозяйства России на протяжении значительной части истории была гораздо ближе к экономии, чем к хрематистике. Почему так произошло, мы рассмотрим в следующем разделе.

А теперь попытаемся представить себе, с чем можно сравнить хозяйство страны, или какого-либо другого сообщества. Напрашивается сравнение с огромной машиной. Но каждая машина имеет свой двигатель, мотор. Какой же двигатель приводит в движение хозяйственный механизм? В общем случае это рынок. Рынок товаров и услуг. Не менее важным фактором являются торговые связи, попросту торговля. Здесь могут подумать: рынок, торговля – разве это не одно и то же? По смыслу действительно очень близко. Но не бу-

дем вдаваться в лингвистические тонкости, а определимся с терминами. Под рынком здесь и в дальнейшем мы подразумеваем спрос, спрос на товары и услуги. А под торговлей – сам процесс реализации этого спроса. И если рынок является двигателем системы хозяйствования, то торговля является рычагом, приводящим этот двигатель в движение. Именно торговля издревле определяла степень развития той или иной общности людей. Вспомним, например, древних финикийцев.

Несколько иной подход мы наблюдаем при рассмотрении социалистического способа производства. Здесь двигателем является план. А что приводит в движение этот двигатель? Вернее спросить, кто? Ведь план, по сути, вещь неодушевленная, а приводит его в движение (не сам план, а его осуществление), вполне одушевленный руководитель с партбилетом в кармане. Для упрощения в дальнейшем мы будем говорить, что капиталистическую систему хозяйства определяет рынок, а социалистическую – партбилет в кармане руководителя. Правда, в первом случае мы упоминаем двигатель, а во втором рычаг. Но все дело в том, что рынок – система живая, саморегулируемая. В то же самое время план (определяемый как двигатель) – категория искусственная, придуманная и фактически самостоятельно двигаться не может. Его постоянно должен двигать партбилет, выполняющий таким образом двойную функцию.

Небольшой экскурс в историю

Поскольку производство, пусть в самых примитивных формах, развивалось еще с древних времен, то чтобы проследить пути развития того или иного общества, страны, необходимо обратиться к истории их возникновения. Особенно это относится к России с ее непростой судьбой.

Проследим же, как развивалось хозяйство России со времени ее образования в образе Киевской Руси. Начнем с того, что когда-то славяне были одним народом и... зародились в верховьях Вислы, на берегах Тисы и на склонах Карпат. Это современная восточная Венгрия и южная Польша [17, стр. 20]. Земли славян часто подвергались набегам воинственных германских племен, что заставляло их постепенно покидать насиженные места и расселяться на более широком пространстве на юг, север и восток. Окончательное разделение славян на западных и южных произошло после вторжения и захвата славянских земель в Паннонийской низменности венграми. Остальные славяне ушли на восток в малонаселенные пространства.

Им как раз и больше всех не повезло. Большая часть территории, которую заняли восточные славяне, оказалась неплодородной, а вся территория была отрезана от морей, а значит, и от внешнего мира. Единственный торговый путь проходил по Волге, но то пространство уже населяли дру-

гие народы. А пространство, занятое славянами, было по тем временам огромно по масштабам, и это создавало серьезные препятствия для развития внутренних коммуникаций, к тому же доминировали на том пространстве леса и болота. Все это затрудняло передвижение людей и материальных ресурсов. [66, кн.1, стр. 11]. Понятно, что о торговле не могло быть речи, доминировало натуральное хозяйство. И еще сегодня многие беды России исходят из того времени «освоения болот и лесов».

Л. Гумилев пишет еще об одной беде славян [17, стр.27]: «Для славян было бедствием соседство с древними русами (название варяжского племени – К.Х.), которые сделали своим промыслом набеги на соседей». И далее на стр. 28: «Славяне селились небольшими группами в деревнях; обороняться от русов, оказавшихся жуткими разбойниками, им было трудно. Добычей русов было все ценное. А ценным тогда были меха, мед, воск и дети. Неравная борьба длилась долго и закончилась в пользу русов, когда к власти у них пришел Рюрик».

В советское время возникла тенденция отрешивания от норманнской версии в образовании русской нации. Кто с этим не соглашался, подвергался преследованиям. Так будущий историк и публицист Андрей Амальрик, будучи студентом истфака МГУ, в своей курсовой работе защищал эту версию, отвергавшуюся советской наукой. За это он был исключен из университета. Впоследствии он был преследуем

как диссидент. А то отрешивание уже в постсоветское время поддерживал даже такой выдающийся ученый, как академик Д.Лихачев. Даже теперь этот вопрос не обсуждается.

Но сомневающимся можно рекомендовать прочесть книгу незаинтересованного исследователя Г.Джонса «Викинги» [22]. Из нее мы узнаем, что именно русы основали поселение Хольмгард (ставшее впоследствии Новгородом), что князь Владимир Красное Солнышко происходил из русов и носил сначала имя Вальдамар [стр. 126]. Все это отвергает и версию «Повести временных лет» о призвании варягов во власть на Руси. Истинный процесс совпадает с описаниями Л.Гумилева, Г.Джонса, Д.Хоскинга. Да и само название народа – «русские» тоже о чем-то говорит. Это единственное в мире название народа, выраженное прилагательным. Можно предположить, что восточные славяне в какое-то время назывались русскими славянами (по имени их завоевателей русов), а впоследствии слово «славяне» для удобства было опущено. Такая версия наиболее вероятна. Со временем русы ассимилировались в более многочисленной славянской среде. Так и сохранил русский народ в своем характере долготерпение славян, перемежающееся в критические моменты буйством, унаследованным от варягов («страшен русский бунт»).

Трудно переоценить следующую позитивную акцию русов. Они проложили широко известный в истории «путь из варяг в греки», главной артерией которого стал Днепр. Этот

«путь» сразу оживил (скорее даже породил) интенсивную торговлю с Византийской империей. И не случайно к этому периоду относится расцвет Киевской Руси. Так продолжалось до XII века. К XII веку Византия потеряла свое экономическое мировое значение, что привело к падению роли пути «из варяг в греки» [22, кн.1, стр. 61]. А в 1453 году, после завоевания ее турками, Византийская империя перестала существовать. В результате этих изменений «... торговля между Европой и Азией стала проходить не через Русь, а через Средиземноморье и Ближний Восток. Русские земли становились экономически второстепенными. В результате основной доход Русь начала получать от сельского хозяйства и мелкого производства» (там же).

Центр из захиревшего Киева сместился на север, где в разное время доминировали Ростово-Суздальское, Владимирское, а позже Московское княжества. Хозяйство этих земель было близко к натуральному, торговля была в зачаточном состоянии. Особняком стоял Новгород, расположенный неподалеку от Финского залива. Там процветала торговля: город даже какое-то время входил в торговый союз ганзейских городов. Прочный экономический базис породил соответствующую надстройку. По тому времени ее политическую структуру можно было считать прообразом демократии. Называлась она Новгородской феодальной республикой [73, стр.382] и существовала с 1136 по 1478 г. «Высшим органом было вече, которое избирало посадника, тысяцкого и

даже архиепископа. Фактическая власть была в руках бояр. Князь приглашался на службу по договору («ряду»).

Чаще всего князья были из великих князей владимирских», (там же). На протяжении многих лет окрепшая Москва вела войны за овладение Новгородом, пока в 1478 году это не удалось Ивану III. И хотя это был шаг к объединению русских земель, на них исчез последний островок рынка и демократии. Исчез надолго, до времен Петра I (речь идет о рынке, о демократии при монархии говорить как-то неловко).

Почему-то принято считать, что развитие России на несколько веков затормозило монгольское иго. На самом деле это вовсе не так. Да, русские князья считались вассалами ордынских ханов, даже получали от них «ярлык» на правление. Но монгольские гарнизоны не стояли в русских городах и селениях, появлялись лишь баскаки – сборщики дани, по тем временам в мизерных размерах. Зачастую роль баскаков исполняли местные русские правители. Так что серьезного влияния на развитие русских княжеств монгольское «иго» оказывать просто не могло. Отсталость русских земель в хозяйственном и торговом отношениях определялась лишь перечисленными выше факторами.

Резкий поворот в судьбе России произошел с воцарением Петра I. Последнее время в российской историографии наметилась тенденция к пересмотру роли Петра. Многие историки, начиная еще с Л. Гумилева, ставят ему в укор

принижение роли православной церкви, отступление от русского традиционного пути. Ох... уж этот особый русский путь!.. Вспоминается и восклицание Е. Боннер: «Этот ужасный царь Петр!..» Да, он был жесток. Но по меркам нашего времени, а по тем временам жестокость в значительной степени была характерной формой правления, хотя действительно во многих аспектах Петр превысил эту степень. Но зато он действительно поставил Россию на «дыбы». При нем впервые Россия получила выход к морю, резко оживились торговые связи, без которых немислим прогресс.

Интересна оценка деятельности Петра зарубежными историками. Вот что пишет об этом профессор Лондонского университета Д. Хоскинг [66, кн. 1, стр. 242]: «Самого Петра можно считать неостойким, верившим в то, что как монарх он был призван Богом для мобилизации ресурсов доверенного ему государства ради увеличения его мощи, умножения богатства и процветания народа. Петр, будучи порождением своего времени (конца XVII века), вдохновился последними достижениями науки и техники и верил в то, что человеческие способности можно эффективно использовать, если применить современные знания и умения».

Полны восторга отзывы о Петре Великом известного английского философа и историка А. Тойнби [60]. «Принятие Петром западной технологии тех времен оказалось настолько эффективным, что дало ему возможность в 1709 году решительно победить одну из величайших держав современ-

ного ему западного мира – Швецию. Историческая победа над Карлом XII под Полтавой была одержана Петром благодаря программной вестернизации...» [стр. 221]. «Петр запустил Россию на орбиту технологического соревнования с Западом, и по этой орбите она движется по сей день. Россия никогда не могла позволить себе отдохнуть, ибо Запад постоянно делал новые броски. Так Петр и его потомки в XVIII веке подняли Россию на уровень Западного мира того времени...» [стр. 439]. Но уже на следующей странице мы читаем: «...но уже в XIX веке промышленная революция на Западе вновь оставила Россию позади...».

Да, действительно XVIII век недаром называют «золотым веком Петра и Екатерины». Последняя продолжила деяния Петра и вывела Россию еще к одному морю – Черному. Наследники Екатерины на инерции еще держались где-то около полувека, а затем ощутилось отставание, которое наглядно продемонстрировала Крымская война (1853–1856 гг.).

«Крымская война требовала реформ, железных дорог, иной армии и иных вооружений, вызвала шок национального сознания» [60, стр. 301]. Реформа 1861 года, отменившая крепостное право, была запоздалой и несовершенной.

Россия была единственной страной, где крепостное право продержалось так долго и так поздно. Всего 400 лет. «...в Лондоне в 1860 году уже метро строили. А мы грудных детей от родителей отрывали, мы целые села в карты проигрывали, мы человеческих детей на борзых щенков обменивали...» –

так описывает ситуацию публицист С. Баймухаметов [12, стр. 414]. В чем же заключалось несовершенство реформы-1861? Последуем за автором той же книги [стр.438]. «Жизнь поставила его перед простым, но жестоким выбором. Или освободить крестьян без выкупа – или с выкупом. С большими наделами – или с малыми». Речь идет о царе-реформаторе Александре II. И какой же выбор он сделал? Под давлением правящего класса, дворянства – наихудший. Читаем на стр. 439: «Крестьяне получили наделы земли, которые были даже меньше по площади, чем те участки, которыми они пользовались, будучи рабами». «Крестьяне были не свободные, а временно обязанные, то есть должны были отработать свободу и землю». «Издавательством стало и положение о выкупе земли. Надо было оброк перевести в деньги и исчислить всю сумму в деньгах. А так как денег у крестьян не было, то они платили 20 % выкупа. Остальные 80 % платило государство. Крестьяне же должны были вернуть эти деньги государству в течение 49 лет из расчета 6 % годовых». Вот так государство окрутило крестьян за естественное право на свободу. Лишь в 1906 году, когда крестьянин выплатил подавляющую часть долга, эти нелепые откупные выплаты были отменены.

По данным академика Л.В.Милова бюджет крестьянина «посредственного состояния» с женой и двумя детьми, «живущего домом», составлял в год: «26 руб. 43 коп. с половиною». [12, стр. 41]. Там же показано, что «...даже крестьянин-середняк далеко не сводил концы с концами». Циф-

ры эти смехотворны. Что мог крестьянин на них купить? А поскольку крестьяне составляли большинство населения страны, можно себе представить масштабы торговли в такой стране. Торговля, этот рычаг экономики, по-прежнему оставался уязвимым местом российского хозяйства, причем традиционным.

Да, «ходил» в свое время тверской купец Афанасий Никитин «за три моря», и это исключение нашло свое отражение в истории. Но много ли таких было? Вот цифры, приведенные историком А.Буровским [10, стр. 245], характеризующие уже XIX век: «Купцы никогда не были многочисленны; в 1840-е годы их было порядка 213 тысяч человек, в 1897 году – 225 тысяч человек». Понятно, что купечество обитало в городах. В деревне по уже описанным причинам господствовало в основном натуральное хозяйство. Привилегированный класс дворянства вообще ничего не производил, вел жизнь рантье. Могла ли в таком состоянии Россия конкурировать с бурно развивающимся Западом? Тем более входящим в эру индустриализации. Нет, конечно. Рычаг заржавел от бездействия. Тормозом стало и отношение населения к самой торговле. В дореволюционной России укоренились презрительные клички «купчина толстопузый», «купчик» и т. д. Традиция продолжилась и в советскую эпоху, едва ли не самым популярным оскорблением стали слова «торгаш», «торговка». Чаще последнее, ибо принято было считать, что в роли продавца выступает женщина типа «оторви и

брось». В то время как на Западе за прилавком часто встречаются вполне респектабельные мужчины при галстуке. Отсюда и отношение к покупателям совсем другое. Зато уже в перестроечное время бурным цветом расцвела мелкая «челночная» торговля, которая принесла пользу лишь обслуживающему ее транспорту. И замелькали на всех приграничных маршрутах светлоклетчатые дорожные сумки, набитые дешевыми товарами из Польши, Румынии, Турции, Китая...

Несмотря на все предыдущие доводы, сегодня очень многие авторы настойчиво стараются вбить в сознание людей версию о стадии бурного роста российской экономики до революции 1917 года. Ловко манипулируя цифрами 1913 года (последний довоенный год), они пытаются доказать, что Россия в то время входила в число наиболее развитых капиталистических стран и продолжала успешно развиваться, и лишь большевики варварски прервали этот процесс. Как выразился в одном телеинтервью С. Говорухин, создатель помпезного фильма «Россия, которую мы потеряли»: «Птицу подстрелили на взлете большевики». Это не так. Большевики пришли не из космоса. Их родила российская действительность с ее нищетой и беспросветностью. И хоть Советский Союз являл собой качественно новый этап, его нельзя рассматривать в отрыве от всей российской истории. Он был истинно русским чудом со всеми его положительными и отрицательными моментами. А теперь представим цифры 1913 года в более наглядном виде. «В 1913 году Россия по объему

промышленного производства занимала пятое место в мире, ее доля в мировом производстве была 4 %, но этот показатель достигался в основном по причине огромных размеров и численности населения. А на душу населения Англия и США производили продукции больше в 14 раз, а Франция – в 10 раз» [53, стр. 177]. Но важно, что еще при этом «Тяжелая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному капиталу» [там же, стр. 178]. Невольно приходится делать следующий вывод: «Ну и какое будущее ожидало страну с такой экономикой, даже если бы не было войны? Только одно: промышленный подъем уперся бы в отсутствие платежеспособного спроса и нехватку рабочих рук и прекратился сам собой. Ну, выжили бы отрасли, работающие на заграницу, – нам-то что с этого?» [там же].

Российское крестьянство, составляющее большинство населения страны, как мы уже отмечали, жестоко эксплуатировалось землевладельцами, работало в трудных климатических условиях, жило в нищете. Такие условия существования наложили тяжелый отпечаток на менталитет этого слоя общества. Короткое лето заставляло крестьянина трудиться в поле от зари до зари, а в межсезонье позволяло длительное время валяться на печи. Отсюда берет свое начало привычка русского человека к авралам, и она же мешает ему до сих пор ритмично работать в нормальных условиях. Эта мысль находит подтверждение у историка В.Ключевского [36, т.1,

стр. 50]: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс, но и нигде в Европе, кажется, не найдешь такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному труду, как в той же Великороссии». Мысль эта была озвучена еще во времена царизма, но и сегодня это качество русского человека продолжает удивлять многих.

О лени русского «мужика» писали, оказывается, и Ленин, и Горький, но не подумали об исторических корнях этой черты. Да, прошел аврал, и «мужик» успокоился. Но вряд ли еще какой-либо народ смог бы трудиться в таких условиях, какие создавали «мужику» природа и правители. Причем делалось это не ради прибыли, а для удовлетворения минимальных потребностей. Само слово «прибыль» чуждо русскому лексикону. Отсюда берет свое начало укоренившееся понятие о бедности как норме жизни, которое глубоко устоялось в менталитете русского человека. Вот как определяет русского человека Н.Михалков в книге своего отца [44, стр. 432]: «Русским может быть только тот, у кого чего-нибудь нету, но не так нету, чтобы обязательно было, а – нету, и хрен с ним». Это безразличие находит продолжение во многих областях жизни, в том числе безразличие к отсутствию порядка в любом деле. Более того, к порядку в российском обществе относятся как к чему-то вредному, предпочитая порой его полное отсутствие (так называемый «бардак»). Мне много раз приходилось слышать от различных

людей, что этот «бардак», дескать, даже нужен, ибо он помогает спрятать собой многие наши огрехи. Но не лучше ли их просто не делать? Со мной не соглашались, утверждая, что это неизбежность. Еще один фактор, возведенный в норму жизни. Когда на своей работе я только заикался о порядке, то ли перед рядовыми сотрудниками, то ли перед начальством, всегда чувствовал, что превращаюсь для них во врага. Когда в каком-либо учреждении я пытался возмущаться беспорядком, сразу следовал встречный вопрос: «А у вас все в порядке?» Этот традиционный беспорядок оказался даже очень востребованным при сегодняшнем режиме.

Д.Хоскинг объясняет причины отсталости России не только плохими природными условиями, но и «...характерной для России цикличностью исторического развития. Огромные земельные и людские средства тратились на содержание армии и громоздкой политической верхушки. Экономический рост достигался скорее за счет расширения территории, чем внедрения новых технологий, которые в большинстве своем заимствовались за границей» [66, кн.1, стр. 12]. Расширяя территорию, завоевывая и присоединяя к себе все новые и новые земли, Россия превратилась в империю, достигшую пика своего могущества в том самом «золотом веке» Петра и Екатерины. Но именно с того момента и начинается (ничего не поделаешь, судьба всех империй) ее движение по нисходящей линии, сперва совсем вроде незаметное. Именно с этого момента, утверждает А. Солженицын,

государство начинает уделять больше внимания «...внешним проблемам, в ущерб внутренним» [140, статья К.Кедрова «Расплата за победы»]. В отличие от других империй, проводивших свою экспансию за счет заморских территорий, не требующей применения военной силы, Россия расширялась, приобретая прилегающие территории в основном за счет войн. В той же статье приводится довод Солженицына о бессмысленности сотен тысяч жертв, ничего народу не принесших. Автор статьи показывает, как эти доводы переплетаются с аналогичными мыслями Герцена: «Покидая пределы империи, по пути в Европу Герцен увидел курную избу. Вид ее потряс воображение писателя. Сколько войн, сколько великих событий прошло мимо этой курной избы, никак не улучшив жизнь ее обитателей... Совершались великие победы русского оружия, расширялись пределы империи. И только в курной избе все так же топили без дымохода, все так же перебивались с хлеба на квас. В этом увидел Герцен коренное отличие истории Западной Европы от России. В Европе любая военная победа, реформа, революция что-нибудь да приносила местному населению. Расширились права личности, отдавалась земля крестьянам, оживлялась промышленность и торговля, у нас же, что победа, что поражение, что революция, что реформа – не оставляют никакого следа. Как жили в «курной избе», так и остались в ней жить». Символическое сравнение двух направлений, в одном из которых государство – для человека, в другом – все наоборот.

Тем не менее, некоторые историки, описывая российскую империю, обнаруживают склонность ее несколько «приподмадить», игнорируя отношение к собственному населению. Вот что пишет Ю. Емельянов [23, стр. 439]: «Особенность России состоит и в том, что эта страна стала единственной, оказавшейся способной создать оригинальную цивилизацию на северном пути. Но прежде чем стать «самой арктической» страной мира и единственной цивилизацией северного пути, России пришлось проделать нелегкий исторический путь. По мнению недружественных наблюдателей, это был путь захватов и порабощения народов». И далее на стр. 458: «Миф о русском «колониализме» был рожден в результате механического перенесения впечатлений о трансокеанской экспансии Запада на Россию. По этой же причине был рожден и миф о российской «тюрьме народов»». Надо признать, безусловно, что Россия была одной из самых «мягких» империй. Коренное население присоединенных земель не эксплуатировались, подобно народам колоний западных стран. Тюрьмой народов Россия не была никогда, хоть эту версию поддерживали большевики, население окраин не испытывало ущемлений по национальному признаку. Более того, уровень жизни окраин часто превышал уровень российской глубинки. Особенно это было заметно в период существования Советского Союза, административное и жизненное устройство окраин которого могло служить образцом решения проблем многонационального государства. Тем не менее, импе-

рия остается империей. И далеко не все территории этой империи приобретались мирным путем. Даже завоевание Сибири началось со столкновений (довольно серьезных) Ермака Тимофеевича с ханом Кучумом. Очень тяжелым было завоевание генералом Скобелевым в конце XIX века Хивинского и Кокандского ханств, а в столкновении с туркменами русские войска даже потерпели поражение, что дало основание уже ушедшему в тот мир Туркменбаши (С.Ниязову) увековечить эту дату как национальный праздник. Долго и упорно отвоевывалось у турок Причерноморье, долго шла борьба за покорение Северного Кавказа и т. д. В период наполеоновских войн Россия претендовала даже на Мальту. С вожделием смотрели русские цари на Афганистан, и только появление там англичан предотвратило дальнейшую экспансию в направлении Индийского океана. А бесконечные русско-турецкие войны имели конечной целью захват Константинополя и проливов в Средиземное море. Писатель Ван Херпен в своей книге (стр.62) приводит, как он выражается, «известное изречение» императрицы Екатерины: «Не вижу иного способа защищать свою границу, как расширять ее» [173].

Идея захвата чужих территорий господствовала не только в правящих кругах. Она нашла горячий отклик в широких слоях общества. Даже такой прогрессивно мыслящий поэт и дипломат (советник российского посольства при Баварском королевстве с 1822 по 1837 гг.), как Ф. И. Тютчев, был от-

нюдь не чужд этих настроений, что отмечает в своей книге Д.Хоскинг [66, кн.1, стр.397]: «В 1849 году поэт Ф. Тютчев писал о граде Константинополе как об одной из тайных столиц Русского царства. Он призывал к расширению границ империи от Нила до Невы, от Эльбы до Китая, как предвидел Святой Дух и прорицал Даниил». Ничего себе аппетиты. И велико желание в своей предубежденности сослаться на кого-то. Только вряд ли Святой Дух и Даниил обладали столь обширными географическими познаниями.

В конечном счете имперская политика государства взвалила на его плечи непосильную ношу. Груз этой ноши давил на неадекватно слабую структуру государства и не давал ему возможности развивать свое хозяйство на уровне передовых стран. А страны эти в начале XX века переживали уже решающий этап в переходе от просто капитализма в качественно новую фазу бурной индустриализации. Не сумев включиться в этот процесс, Россия отстала еще более существенно. Тем не менее, вопреки здравому смыслу, уже в наше время, разочаровавшись в двух неудавшихся экспериментах XX века, многие обращают свой взор на дореволюционную Россию, безмерно идеализируя ее. В этом отношении характерен и упоминавшийся чуть выше фильм С. Говорухина, и написанная им книга с экзотическим названием «СТРАНА ВОРОВ на пути в светлое будущее» [15]. В ней на стр. 179 автор пишет: «Российский государственный корабль лег на истинный курс в 1906 году, при Столыпине. Началось «ве-

ликое выздоровление страны» (А. И. Солженицын). В феврале 1917 года корабль повернуло влево. В октябре большевики поправили курс – Россия круто взяла вправо». Сразу возникает вопрос: а что было до Столыпина. И если началось «великое выздоровление страны», значит, до этого она была больна. Какими же чудодейственными средствами лечил Россию Столыпин? Мы об этом еще поговорим подробнее, а пока лишь отметим то, что нам известно из советской истории.

А известно нам лишь о развитии «галстучной индустрии». Молодому поколению читателей поясним, что прославился Столыпин как серийный вешатель при подавлении крестьянских волнений первой русской революции. Петли эти так и называли «стольпинскими галстуками».

Пока вернемся к книге Говорухина. Развитие России он рассматривает как цепь случайностей (то влево, то вправо) и изображает в виде схемы, что само по себе похвально. Схема предстает в виде синусоиды, навитой на центральную ось. В основу схемы заложена мысль, что лишь необъяснимые случайности мешали стране нащупать эту ось и двигаться по ней. Автор книги сокрушается, что, птицу подстрелили на взлете большевики. Дореволюционную Россию он изображает как царство труда и изобилия. Но опять же, как в такой идиллии могли вырваться коммунистические идеи, оформившиеся в революционное движение огромных масс людей? В общем-то, все ответы даны выше.

Теперь только посмотрим, что за «великое выздоровление страны» началось при Столыпине. Обратимся к энциклопедии [73, стр. 530]. «Действительность оказалась чрезвычайно далека от идеальных замыслов С. (Столыпина – К.Х.). Сложные отношения связывали С. с царем. Николаю II казалось, что премьер отодвинет его от решения (если бы так! – К.Х.) многих вопросов, узурпирует его власть... Конфликт произошел и между С. и бывшим премьером С.Ю.Витте, который еще не утратил влияния. Неприязненно относилась к С. и «левая» Государственная Дума, и Государственный совет. Трагедия С. состояла в том, что правые и левые винили его в тяжелом положении страны (и это «великое выздоровление»?! – К.Х.). Конец его был predetermined».

Так же был predetermined конец и всей российской монархии, которая полностью изжила себя и держалась на одной инерции, благодаря инертному образу мышления ее народа, на его чисто славянском долготерпении. Но достаточно было одного толчка, как вскипела варяжская составляющая и стал «страшен русский бунт».

Следует отметить, что на психологию русского человека, да и всего общества оказало влияние расположение страны на стыке двух континентов. Поэтому Россия всегда была страной контрастов. Так, русская культура, впитавшая в себя в себя лучшие традиции западной и одновременно сохранившая свою самобытность, была и остается на высочайшем уровне в мире. Русский быт в противоположность это-

му был и остается на уровне отсталых стран. Как метко заметил как-то В. Шендерович, «...не надо путать культуру и цивилизацию. Уровень культуры – это Чайковский, Толстой, Рахманинов, а уровень цивилизации – это запах в туалете». Под цивилизацией в данном случае, конечно, подразумевается быт. А русский быт характеризуется полным пренебрежением к человеческой личности, ее потребностям, ущемлением ее элементарных прав. В условиях жизни значительной массы народа и сегодня доминирует так метко подмеченный Герценом принцип «курной избы». Такой низкий бытовой уровень в сочетании с имперским мышлением правителей выработали особую философию. Она внедрила в сознание людей понятие о всеобщей бедности как норме жизни, утвердила примат государства над интересами личности. В дальнейшем это было мастерски использовано И.Сталиным, превратившим людей в своеобразные «винтики».

Беда русского народа в исключительном легковерии, готовности всегда поверить в очередной миф. К сожалению, население России очень внушаемо. Эксперты утверждают, что и сегодня в России 86 % населения можно внушить все что угодно. Все это, к сожалению, дань традиции. Веками жила в народе вера в доброго царя, несмотря на жестокую эксплуатацию. Она сменилась затем верой в коммунизм, в развитой социализм, и, наконец, в «перестройку». Да и сейчас народ верит, что придет рынок и принесет ему благополучие и процветание, надо только чуточку подождать. И

ждет уже более двух десятков лет. На этой доверчивости строили и продолжают строить свою судьбу многие поколения правителей.

Резюмируя все сказанное о политике правителей, игнорирующих внутренние проблемы страны, о философии народа, в оцепенении взирающего на деяния этих правителей, трудно согласиться с версией успешного развития России по курсу, взятому передовыми странами. Она была ярко выраженной аграрной страной и поэтому не могла иметь серьезного класса промышленных предпринимателей. Отдельные островки зарождающейся индустрии возникали лишь благодаря иностранным концессионерам. Даже разработка нефтяных месторождений близ Баку производилась Альфредом Нобелем. В моей родной Одессе трамвайное движение основали бельгийские концессионеры. И чтобы положить конец утверждениям о якобы бурно развивающейся России обратимся к высказыванию Н. Бердяева [3, стр. 206]: «Если Россия хочет быть великой империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадет в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется его глубина». Прямо пророческие слова! А как современник Бердяев лучше других знал беды России того периода и что ей было необходимо.

Что же мешало России встать на путь индустриализации? Уже упоминалось о дефиците серьезных предпринимателей.

Нарастание этого класса в разное время приводило к буржуазным революциям во Франции и Англии, другие страны приходили к тому же эволюционным путем. Поскольку этот класс в России не развился, правящим классом оставалось дворянство. Класс этот уже был на последней стадии деградации, что красочно описывают в своей книге С.Валянский и Д.Калюжный [13, стр. 44, 45]. Приведем несколько выдержек: «...многие дворяне, особенно из богатейших, за счет крестьян шикавали, наплевав на интересы не только «своих людей», но и страны. Даровой доход в такой степени избаловал русское дворянство, что когда появились кредитные учреждения, выдававшие ссуды под залог имения, помещики бросились занимать». «Российское дворянство занимало для собственного удовольствия, для потребностей личного комфорта. Дворянские займы имели тенденцию из долгосрочных постепенно превращаться в вечные, и занятые деньги, раз выйдя из кассы банков, более уже туда не возвращались». «Некоторые дворяне, переселившись за границу, поражали европейцев своей расточительностью. Один русский аристократ жил какое-то время в маленьком немецком городке и забавлялся тем, что посылал с утра свою прислугу на рынок с приказом скупить все продукты и потом любовался из окна, как местные хозяйки мечутся в поисках еды». В игорных домах и на курортах Западной Европы тоже хорошо знали сорящих деньгами русских вельмож. Не правда ли, это напоминает кое-что из современности. Ну, конечно,

сегодня так же «кур шевелият»⁴ российские олигархи. Авторы делают вывод: «Вот что служило разорению страны, а не «отсталая» община и не «тупой», ленивый крестьянин». Это почти совпадает с высказанной ранее причиной падения монархии: разложением дворянского класса.

Это основная причина, но есть и сопутствующие. Немалую роль сыграло и правление Николая II. Сейчас появилась тенденция всемерно охаивать большевиков, приписывая им свержение монархии, и одновременно возвеличивать саму низвергнутую монархию, в частности ее главу Николая II. Особенно преуспел в этом Э.Радзинский, посвятивший его бесцветной личности целую книгу. Но обратимся к другому, неконъюнктурному источнику. Всего несколько строчек К.Паустовского [50, стр. 203] разбивает вдребезги этот миф.

Автор «Повести о жизни» рассказывает, как он был репетитором у дочери генерала Казанского: «Казанский дослужился до чина генерал-адъютанта, командовал несколькими военными округами и обучал Николая II стратегии».

«В стратегии сей молодой человек был форменной дубиной, – говаривал Казанский о Николае Втором». Только ли в стратегии? Вот что пишет по этому поводу историк В. Фортунатов [64, стр. 37]: «Всю свою жизнь Николай II вел дневник, в котором даже самые ярые современные монархисты никак не найдут ни одной философской мысли, никаких

⁴ Куршевель – модный курорт в Альпах, излюбленное место отдыха российских олигархов.

признаков стратегического мышления (не только в военной науке – К.Х.) Хозяина земли русской, как именовал себя сам Николай Александрович Романов».

Казалось бы, сама история подставила этого бездарного правителя, чтобы поскорее сокрушить этот архаичный режим. Но монархию свергали вовсе не большевики. Они лишь подобрали власть, валяющуюся у беспомощного Временного правительства.

Штурм Зимнего, залп «Авроры» – всего лишь опереточные элементы. А само добровольно-принудительное отречение Николая II произошло под давлением его же генералов Алексеева и Рузского. Причем отстранение его от власти планировалось еще раньше. Вот свидетельство А. Ф. Керенского [35, стр.48]: «Все считали его отречение скорым и неизбежным. Еще в начале зимы в высших петроградских сферах обсуждались проекты государственного переворота, о многих была уведомила даже армия, и все они предусматривали отречение Николая II». Эту версию подтверждает Н. Бердяев [4, стр. 109]: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война закончила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников». И правильно пишет Е. Прудникова [59, стр.197]: «...империя к тому времени прогнила насквозь и, как положено лю-

бой уважающей себя рыбе, гнила она с головы». И там же [стр. 160]: «...ведь сказал же в начале девятисотых годов обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев Николаю II: «Продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет». Не послушал Николай II обер-прокурора и пошел навстречу теплому ветру. А подул он с Балкан, где завязывался мировой конфликт, приведший к затяжной войне.

Эта война и ускорила падение режима. Нет, не «на взлете», как изрек С. Говорухин, «подстрелили птицу», обессиленная, она сама упала к ногам охотника. Но зачем Россия вступила в эту масштабную войну? Неужели нельзя было учесть печальный опыт Крымской и русско-японской войны, которые высветили техническую отсталость России? Кивают на славянскую солидарность, имея в виду ультиматум, предъявленный Сербии Австро-Венгрией. Но не далее, как в 1908 году Россия безропотно санкционировала аннексию другой славянской области, Боснии и Герцеговины той же Австро-Венгрией. К тому же на стороне Германии и Австро-Венгрии воевала другая славянская страна, Болгария. Значит, этот довод несостоятелен. Как раз на грани распада в это время находилась сама австро-венгерская империя. Запахло жареным. Заговорил инстинкт хищника, учуявшего возможность территориальных приобретений. Но главной целью был Константинополь, предмет вождлений несколь-

ких поколений русских царей. Цель была отнюдь не беспочвенной и выразилась в соглашении «Сайкс-Пико» между странами Антанты о разделе турецких владений после войны [119]. Документ был оформлен окончательно в мае 1916 года путем обмена секретными нотами. Россия получала в собственность Босфор и Дарданеллы. В ноябре 1917 года по указанию Ленина был опубликован текст этого соглашения. Результатом этого явилось благожелательное отношение Турции к молодой Советской республике на первых порах. А царская Россия успела проглотить наживку «Сайкс – Пико», но вылезла она боком. Аналогичная история возникла много лет спустя, когда уже советская империя затеяла войну в Афганистане. Но это уже было последней отрыжкой ее имперского желудка. Поистине история ничему не учит.

Таковы сопутствующие причины краха российской монархии. Основная же причина – экономика. Если бы не вмешались сопутствующие причины, агония монархии могла еще продлиться какое-то время, но крушение все равно было неминуемым. Подтверждение этому мы находим у историка Г.Кваши [34, стр. 226]: «...сохранив свой сверхмощный класс крестьянства, свое пренебрежение к грамоте, к городской жизни, русский народ не выстоял бы в сумасшедшей индустриальной гонке XX века». И все же русский народ выстоял, но... уже совсем в другой ипостаси, а именно, советского народа. Но об этом в следующей главе.

Теперь попытаемся выразить схематически, что проис-

ходило в России за рассмотренный уже период. Удобной формой изображения представляются две железнодорожные ветки, которые совмещались где-то в XVIII веке, а затем едва заметно начали расходиться. За одну из веток, идущую прямо, примем движение мировой цивилизации, разумеется, ее передовой части (в книге С. Говорухина это центральная ось, экватор). Вторая ветка, изображающая движение России, уже примерно к середине XIX века ощутимо ушла в сторону, но идет еще сравнительно под небольшим углом к первой. Правда, расстояние между ними при этом увеличивается с течением времени. Начало XX века. Наследие Петра и Екатерины исчерпало свой ресурс. И вторая ветка плавным радиусом поворота начинает все дальше уходить от первой. 1917 год. Ветка уже довольно крутым радиусом поворота начинает быстрее удаляться от главной магистрали. Забегая вперед, заметим, что она так никогда и не приблизилась к главной магистрали. В отличие от схемы, предлагаемой Говорухиным, экватор ни разу не был пересечен.

Смена общественного строя в России не была случайностью. Революционный процесс к тому времени набрал большую силу. Вряд ли стоит считать этот процесс, как утверждают С. Говорухин, И. Бунич и другие, движением уголовных элементов. Он охватывал и более развитые европейские страны. Возникал он в противовес капитализму, который хоть и был естественным путем развития цивилизации, но носил в себе неизбежные на том этапе элементы жестоко-

сти по отношению к трудящимся массам. Смена строя в России отражала определенное направление в сознании широких масс народа, основанное на традиционной их бедности. Недаром Н.Бердяев отмечал: «Русский народ социалистический по инстинкту» [4, стр.59]. Опять повторим, что революционеры не были бандитами. Это были в большинстве своем образованные люди, нашпигованные идеями, которые считались в то время прогрессивными. Не могли авторы этих теорий предвидеть, что капитализм, развиваясь, сам сведет к возможному минимуму назревшие противоречия между трудом и капиталом. Нельзя, конечно, обойти молчанием тот факт, что новый общественный строй в России насаждался порой варварскими методами, что при этом извращалась, и порой существенно, основная суть новых общественных теорий.

Стоит вспомнить, что почти одновременно с революцией в России произошли социалистические революции в Германии и Венгрии. Но эти страны не удержались на том пути, не восприняли его нутром и в короткий срок вернулись на проторенный путь развития. Россия же такого «проторенного» пути практически не имела, и, стало быть, некуда ей было возвращаться. Тут ростки нового попали на благодатную почву, и страна стала на новый путь основательно. Причины – отсталость страны и философия народа. Еще раз напомним слова Бердяева о том, что русский народ социалистический по инстинкту.

Можно задаться следующим вопросом. Ведь не все страны, в том числе и европейские, восприняли сразу тенденцию индустриализации. Они подотстали в какой-то период, в какой-то встрепенулись, набрали нужные обороты. Но почему же для них период отставания не обернулся крахом? Почему там не произошло то, что произошло в России? Именно потому, что Россия была в противоположность им мировой империей, и роскоши отставания позволить себе не могла. Российская империя, не имея надежной экономической базы, согнулась и пала под тяжестью своего имперского груза. В итоге власть перешла к большевикам, и они сумели ее удержать. Удалось им это потому, что они были самым организованным, закаленным в революционной борьбе классом, и еще потому, что их демагогия отвечала интересам многочисленных масс трудящихся.

Далее начался первый эксперимент. Для лучшего его понимания, а также последующих событий и был предназначен краткий экскурс этой главы, ибо все они вытекали из зигзагов неординарной российской истории. И недаром недавно ушедший в мир иной известный писатель Б. Васильев заметил в одном из последних своих интервью: «...огромное количество несчастий, которые происходят с нами сейчас, истекает от нашего непонимания, что произошло с Россией когда-то» [163].

Первый эксперимент

Итак, большевики взяли власть. Однако на первых порах они смутно представляли себе, как ею распорядиться. Поднаторевшие в революционной классовой борьбе, они оказались не вполне готовыми к управлению хозяйством страны. Они постигали эту науку уже в процессе своей деятельности. Ведь это был невиданный прежде эксперимент. По этому поводу А.Буллок пишет [7, т.1, стр. 525], что ни Маркс, ни Энгельс «...не дали каких-либо рекомендаций по преобразованию такой отсталой страны, как Россия, где капиталистические отношения пребывали на эмбриональной стадии развития, в индустриальное социалистическое государство. На этот вопрос не смог ответить и Ленин, несмотря на то, что он был выдающимся революционным деятелем и смелым мыслителем». Отсутствие программы привело к шатаниям и шараханьям в разные стороны. Трудности усугубились кровавой гражданской войной и разрухой после нее. Шараянья привели, в конечном счете, к политике нэпа, что в сокращении означало «новая экономическая политика». Но по сути ничего нового в ней не было. И как ни пытался оспаривать это Ленин, та политика означала возврат (пусть временный) к прежним капиталистическим отношениям во многих сферах хозяйствования. По-видимому, прав был А.Буллок. У Ленина не было своей концепции развития страны. В за-

службу Ленину можно поставить лишь план электрификации всей страны. А сама политика нэпа, хоть и дала толчок развитию мелкого предпринимательства и торговли, но не решила основной задачи развития страны, сформулированной Бердяевым, она не вступила на путь «материального технического развития».

Пусть это покажется неожиданным, но следует без предвзятости признать, что тот самый путь «материального технического развития», а проще сказать, индустриализации страна обрела в период правления Сталина. Хронологически этот факт неоспорим. Менее заметная фигура в революционных кругах, не обладающий ленинский эрудицией, Сталин, тем не менее, оказался твердым практиком, железной волей осуществившим свою линию, совпавшую с требованием века. Индустриализация была запущена и сделала из отсталой России мощную индустриальную державу.

Можно предвидеть кислые гримасы, раздражение и обиду, вызванные прочтением предыдущего абзаца. Все это понятно и вызывает сочувствие. Но не следует, как говорится, с водой выплескивать и ребенка. Реальность такова, что мировая, да и русская история богаты примерами, когда отдавалось должное правителю-тирану за его созидательную деятельность. Вспомним хотя бы Ивана Грозного и Петра Великого. Всякая историческая личность – это и свет, и тень одновременно. Конечно, в различных степенях. И до сих пор не утихают споры, кем считать Сталина: великим злодеем

или великим созидателем. Но почему он не мог быть одновременно в обеих ипостасях? Он и был в них. В качестве подтверждения второй приведем некоторые высказывания.

Начнем с Э.Радзинского, который приводит на стр. 316 [56] слова самого Сталина на одном из пленумов ЦК: «Нельзя было не подгонять страну, которая отстала на сто лет... Правильно поступила партия, проводя политику ускоренных темпов». Далее слова уже цитируемого А.Буллока: «Сталин со свойственной ему энергией приступил к завершению национализации средств производства, распределения и обмена в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, поскольку считал это необходимым условием укрепления той власти, захват которой Ленин осуществил в 1917 году, но не довел до конца. Лидер огромной страны, он был убежден, что только в условиях плановой экономики осуществимо создание той материальной базы, которая позволит русскому народу покончить с вековой отсталостью» [7, т.1, стр.488]. Известный югославский коммунист, а впоследствии и диссидент М.Джилас вспоминает фрагмент своего разговора со Сталиным после войны [21, стр.89], в котором он заметил: «Если бы не индустриализация, Советский Союз не смог бы сохранить себя и вести такую войну». А Сталин добавил: «Это как раз то, из-за чего мы ссорились с Троцким и Бухариным». Вот что пишут о Сталине Ж. и Р.Медведевы [42, стр. 3]: «СССР как жестко централизованное, тоталитарное государство и как индустриально развитая и мощная в во-

енном отношении держава был создан прежде всего Сталиным». Далее А.Зиновьев [28, стр. 281]: «Социальная революция в собственном смысле слова, т. е. изменение социального положения и социальной структуры многомиллионных масс населения произошла при Сталине и под его руководством. Это исторический факт. Отрицание и замалчивание его, как это делалось во все послесталинские годы и делается теперь, есть фальсификация истории, какими бы благородными намерениями при этом ни руководствовались». Даже такой уничтожающий критик Сталина, как Д.Волгонов, вынужден признать достижения в период его правления [13, кн.1, стр. 330]: «Шел процесс превращения аграрной страны в индустриальную. Высокими темпами ликвидировалась неграмотность. Миллионы людей получили возможность приобщиться к лучшим творениям мировой культуры, народ, страна были на подъеме...». И далее, там же, на стр.345: «30-е годы мы как-то теперь привыкли измерять только трагическим масштабом, а ведь это были и годы невиданного энтузиазма, подвижничества, массового трудового героизма».

Да, это было. И далеко не везде в масштабах огромного строительства использовался рабский труд заключенных. Массы людей, одержимых энтузиазмом, добровольно ехали строить будущую счастливую жизнь, в которую они верили и ростки которой они уже успели увидеть в окружающей действительности. Говоря о сталинских репрессиях, невольно

задаешься вопросом: а что, во время царизма была в России свобода, демократия? Вся ее многовековая история полна репрессиями. В период индустриализации все было поставлено на поток, в том числе и репрессии. Это обстоятельство отмечают многие авторы. Начнем с Волкогонова [13, кн.1, стр. 413]: «Страна, жившая столетиями под сенью царской короны, не могла, к сожалению, за несколько послереволюционных лет сбросить груз старого мышления, как другой самодержавный хлам. Царя, династию, царские атрибуты в стране уничтожили, а мышление, склонное боготворить сильную державную личность, осталось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.